

Всегда мальчишка?

Владимир ПРИХОДЬКО

Свое семидесятилетие Берестов отмечает в Нью-Йорке. Дал интервью юному Алеше Титову, репортеру из «Пионерской правды», пожаловался, что замучили журналисты; жену под ручку и улетел.

Нет, нет, не переселился в Штаты. Просто гостит в качестве обожаемого деда у своей дочери Марины: вышла - еще в советское время - за смуглого гражданина Доминиканской Республики и после драматических скитаний по Центральной Америке осела в Нью-Йорке; воспитывает светло-кофейных внуков Валентина Дмитриевича.

Впрочем, воспитание окончено. Сыну Раулю-Антонио 22 года, его сестре Марине-Эсперансе (эсперанса - по-испански «надежда») вот-вот исполнится 18 - Еще-Марина тоже станет взрослая. Летом объявлена свадьба Рауля-Антонио, и у Берестова есть повод поехать в Штаты еще раз. И шанс понынчить правнука.

Знаю, что Берестов также собирался повидать своего старинного друга и поклонника Наума Коржавина, живущего ныне в Бостоне.

Были бы силы...

Даровитые люди встречаются очень часто. А вот воплотившие свой дар в пароходы, строчки и другие добрые дела, гораздо реже. Дар обладает свойством с легкостью развеваться на ветру, достаточно даже небольшого ветерка. По множеству социальных и психологических причин, в просторечии именуемых судьбой. Только собрался стать Кулибиным, Галилеем или Омаром Хайямом, глядишь - се-ребрится седина и хочется не столько завоевывать мир, сколько опрокинуть с утра сто пятьдесят с прицепом. Если к тому времени ты уже не устроился с удобствами на дне оврага в виде двух костей: большой берцовой и седлищной, поливаемых дождем.

Берестов счастливо воплотил свой рано открывшийся дар. Пусть не совсем так, как ему грезилось в 14 лет: «Никогда потом я не предавался сочинительству с таким упоением и никогда так сильно не мечтал о славе, о власти над человеческими душами, считая себя избранныком, будущим Лермонтовым, чьи поэтические сочинения изо дня в день перечитывал и, поглядывая на даты, ревниво сравнивал со своими». 14 лет здесь, пусть с самоиронией, - творческий пик. В стихах, вспоминая, Берестов обращается к Лермонтову: «Я «Три дальмы» твои, честолюбием болея, / Все твердил и на школьном дворе и в саду. / Я мечтал, что на конкурсе всех одолею, / И прочту их в Москве на твоём юбилее, / И поеду в Артек в сорок первом году /.../ И гусаром глядел ты, а не юбиляром / На подростков, читавших с почтением и жаром / Строки тех же «Трёх пальм» или «Бородина». / И как некогда жизнь

твоя, резким ударом / Был оборван твой праздник. Настала война».

Берестов родился 1 апреля 1928 года в городке Мещовске неподалеку от станции Сухиничи; его отец, выходец из крестьян, учительствовал, в юности писал стихи, подражая Некрасову; оканчивал на сына колоссальное влияние. Вскоре семья учителя переехала в Калугу.

Берестов увлекся археологией, которой отдал впоследствии годы жизни. Окончил исторический факультет МГУ, аспирантуру при Институте этнографии. Как археолог, принимал участие в Хорезмской экспедиции. И все же литературные труды были главными. Знаю, что Берестов быстро расстался с женой (той, от которой дочь) - в значительной степени потому, что толкала его в науку - подниматься по профессорской лестнице, а поэзию считала блажью. Для него поэзия была избранничеством.

Дар юного Берестова увидел Корней Чуковский. Ему покровительствовали Ахматова и Маршак. Алексей Толстой сказал: «Я не больно верю в вундеркиндов, большинство из них с возрастом утрачивает свои многообещающие таланты, но у этого цыпленка, несомненно, поэтическое дарование». Печататься начал в 1946-м; в 1957-м вышла первая книга «Отплытие» (рецензию на нее Ираклий Андроников назвал «Удачное отплытие», хотя книга была довольно слабой). Первые книжки для детей: «Про машину», 1957, «Сказка про выходной день», 1960. И пошло, поехало...

Второй брак Берестова оказался долгим (17 лет) и счастливым: он женился на талантливой художнице Татьяне Александровой. Она окружила его аурой восторженного поклонения: это было, по словам художника Льва Токмакова, «то, что мужику нужно». Смерть любимой жены стала огромным горем поэта. Не переставая ее оплакивать, Берестов стал мужем Татьяниной сестры-близнеца - Натальи, и нравом вроде бы похожей на Татьяну. Супружество, длящееся с 1984-го по сей день...

Стихи о юбилее Лермонтова удачно рисуют сломанное войной время, в которое вписан Берестов. Александру Межирову, 1923 года рождения, в этом году 75, принадлежат такие строки: «Наша разница в возрасте невелика, /

Полдесятка не будет годов. / Но во мне ты недаром узрел старика, - / Я с тобой согласиться готов. / И жестокость наивной твоей правоты / Я тебе не поставлю в вину, - / Потому что действительно старше, чем ты, / На Отечественную войну». Пять лет имели решающее значение в судьбе: в ту осень, когда воинский эшелон увозил Межирова на северо-запад лежать в окопе под Колпином и глотать блокадную пайку, другой поезд вез Валю в эвакуацию.

Межиров навсегда возмужал на фронте. А Берестов?

Вот одна из его баек. Решаюсь - впервые! - пересказать, уж извините, если кого шокирую.

Однажды Берестов пришел в гости к Соколову-Микитову. Кажется, в гостиницу «Ленинградская», где у того был номер. Соколов-Микитов вышел (конечно, за выпивкой), а в номере сидел Твардовский. Он спросил: «Как вас зовут?»

- «Валя». «А по отчеству?» Берестов ответил. Твардовский два мгновения подумал и сказал с мрачной трезвостью: «Молодой человек, наступило время, когда надо пиписку х... называть».

Я, честное слово, хотел смягчить эту замечательную байку, но, смягченная, она потеряла бы все обаяние.

Однако Твардовский ошибся. Точнее, то, что для него было неопровержимым, для Берестова оказалось не вполне верным. Его **инфантильность** - творческая черта. Не случайно самая запомнившаяся книга Берестова называется «Школьная лирика». Даже свое исследование о Пушкине он посвятил первой трети жизни гения («Ранняя любовь Пушкина», 1989).

Берестов - любимый поэт детворы. А также мам, пап, бабушек и дедушек. Это очень широкие читатели. Если коротко определить его прозрачное своеобразие, я говорю так: он лирик среди юмористов, юморист среди лириков.

В 1972 году я работал над книгой «Поэт разговаривает с детьми». Мне хотелось написать для нее литературный портрет Берестова. Издательское начальство воспротивилось. Почему? Оказалось, Берестов подписал протест против судебного преследования Синявского и Даниэля, против цензуры, и попал в опальный список. В этот момент он прислал мне письмо, которое процитирую: «...Я сам осознаю себя «взрослым» лириком. Правда, детство в этой лирике занимает огромное место /.../. В детской литературе я - гость, пусть засидевшийся, пусть имеющий свою раскладушку, друг дома, а не хозяин /.../ Перед Михалковым, Барто, Благининой я всегда ощущаю пьютет, идущий от тех времен, когда я связал их имена со стихами, которые мне понравились, и даже с картинками к этим стихам, перед ними я всегда мальчишка».

«И гусаром глядел ты, а не юбиляром...»

Моек. Милослав. - 1998. - 9 апреля. - с. 11.